

ПО ПОВОДУ КЛАССИФИКАЦИИ СВЯЩЕННЫХ КАМНЕЙ БАЛТОВ

1. Введение

Священные камни известны многим народам. Не являются исключением и балты, проживавшие вдалеке от восточного побережья Балтийского моря. Однако, эта статья ограничивается данными с Литвы, Латвии, Калининградской области и Западной части Беларуси – то есть региона, где балтские племена с I тысячелетия до начала II тысячелетия несомненно составляли единый территориальный массив.

Балтским священным камням в контексте религии и мифологии обычно достается значительная роль. Своим образом об этом свидетельствует и научный интерес, который проявляют священным камням балтов со середины XIX века (Baliński, 1886, s. 221, 224–225, 229; Baruch, 1907; Jan ze Śliwina, 1855, s. 452; Szukiewicz, 1900; Tyszkiewicz, 1842, s. 43–44). Особенно много информации о священных камнях в конце XIX века было помещено в описаниях «Археологических карт» (см.: Покровский, 1893; 1895; 1899). Позже данные об этих памятниках публиковали: П. Тарасенко в Литве, Э. Куртц и А. Шталс в Латвии, М. Мелешко в Беларуси, В. Ла Бауме в Пруссии и другие исследователи.

В 1960-е годы свои прежние исследования обобщил П. Тарасенко (Tarasenko, 1958). В 1970-е – под руководством В. Урбанавичюса был проведен ряд археологических раскопок у священных камней на территории Литвы (Urbanavičius, 1972; 1977; 1979). Р. Матулисом была написана студия, посвященная «историческим камням» (Matulis, 1990). В то время были обобщены данные и о священных камнях Латвии (Caune, 1974), позже их активно исследовал Ю. Уртанс (Уртанс, 1988б; Urtans, 1990; 1992). Научный интерес к священным камням на территории Беларуси после длительного перерыва вновь был проявлен в конце 1980-х – в начале 1990-х годов (Дучиц, 1985; Ляўкоў, 1992).

Обычно полагается, что в Литве число священных камней достигает 300 (Tarasenko, 1958, p. 66–81). Примерно столько их было зарегистрировано и в 1970-е годы, при своде памятников культуры. По новым данным, которыми располагает автор данной статьи, это число достигает 500 (Vaitkevičius, 2003, p. 69).

В 1988 году в Латвии числилось 328 священных камней (Уртанс, 1988а, с. 5–8). В 1997 г. на территории Беларуси – свыше 300 обследованных и около 700 зафиксированных (Ляўкоў, Карабанаў и др., 1997, с. 48; Вінакураў, Віцязь, Дучыц, 2001, с. 62) (значительная часть их находится в западной и северо-западной части республики). Данные из Калининградской области (Россия) после Второй мировой войны остались неуточненными. В 1893 году в данном регионе было зарегистрировано примерно 50 священных камней (Beckherra, 1893).

Приведенная статистика довольно условная, так как, во-первых, число священных камней меняется, уточняя предварительные данные, а во-вторых это

число непосредственно зависит от общей концепции «священных камней», которая воспринимается довольно по-разному.

1.1. «Священные камни» (понятие и опыт по классификации).

Исследователи по-разному характеризуют «священные камни». Одними это понятие расширяется, другими наоборот – ограничивается. В самом деле исследователи сталкиваются со многими камнями, имеющими разную историческую (и не всегда мифологическо-сакральную) ценность. Таким образом общее число «священных камней» зависит от того, как они трактуются.

П. Тарасенко обычно придерживался расширенного понятия «исторических камней». Такими он называл «камни, которым в прошлом человек придавал искусственный вид, выбил знаки, расставил или сложил их с какой-либо целью или осмыслил преданиями» (Tarasenko, 1958, p. 3). Такое понятие означало, что в кругозоре П. Тарасенко оказались священные камни всех видов, а также камни, отмеченные разными знаками и надписями, камнотёрки и все другие, либо археологическую, либо историческую ценность имеющие камни. Описывая «исторические камни» Литвы, указанный автор их делил на «тотемистические камни», «камни-следовики», «камни-жертвенники» и «камни с надписями» (Tarasenko, 1958, p. 5–60). С ростом числа данных памятников, некоторые группы «каменей-жертвенников» были охарактеризованы более точно. Так, выделены камни с плоскодонными чашами (plokrėiadugniai), камни с конусообразными чашами (smailiadugniai) (Urbanavičius, 1977, p. 80), камни с выемками (Dakanis, 1984). О культовых памятников писавшие В. Даугудис и Р. Матулис вопроса классификации священных камней не выдвигали.

А. Цауне камни с чашами на территории Латвии (dobumakmeni) разделил на камни, имеющие плоскодонные чаши и близкую им форму (buodakmeni), камни с небольшими круглыми выемками и большие валуны с углублениями неправильных форм (muldakmeni) (Caune, 1974, lp. 90, 92). Ю. Уртанс предложил такую классификацию латышских священных камней: 1) естественные валуны; 2) камни-следовики; 3) камни с чашами (3a – камни с чашами круглой и близкой к ней формы, 3b – камни с небольшими круглыми выемками); 4) камни со знаками; 5) камни-идолы (Уртанс, 1988а, с. 5-8; Urtans, 1990, lp. 4-19).

Священные камни Беларуси представлены в статьях двух коллективов авторов. В общем, белорусские культовые камни были разделены на две основные группы: культовые камни и каменные «культовые изделия» (культавыя вырабы). К первой отнесены: 1) камни-фетиши; 2) камни-окаменевшие люди и животные (пярэвэртні); 3) камни культа предков (авістычныя валуны, «дэдавікі»); 4) камни

культы богов (дэістычныя валуны «багавікі»); 5) «искусственные» камни с разными углублениями, чашами, знаками, надписями. Ко второй группе отнесены: 1) каменные культовые сооружения (культавыя збудаванні); 2) каменные идолы; 3) каменные кресты (Ляўкоў, Карабанаў і др., 1997, с. 44). Позже был предложен уже более общий термин «каменных помников» и разработана классификация, названная «функциональной». Как перспектива её применения указана намечающаяся компьютерная паспортизация каменных памятников (Вінакураў, Віцязь, Дучыц, 2001). Для введения мета-данных (meta data) в общий базис данных эта типология конечно послужит. С точки зрения обыкновенной классификации особенно важно её первое направление (накірунак 1). Оно хорошо показывает как разные параметры священных камней: названия, внешний вид, предания, могут стать поводом их классифицирования (Вінакураў, Віцязь, Дучыц, 2001, табл. 1). Об этом ещё будет говориться и в этой статье.

Попытки группировки священных камней были и в других странах, но для всех типологий характерны разные исключения (ср. Шорин, 1991).

По мнению автора данной статьи, понятие «священные камни» не должно применяться ко всем «историческим камням», ценным в историческом, мемориальном и культурном смысле. В контексте балтских культовых памятников приходится говорить лишь о камнях, которые прямым образом связаны с балтской религией и (или) мифологией. Опыт классификации показал, что это сложная задача, с которой учёным пока не удалось справиться. До сих пор не создана и единая классификация балтских священных камней.

1. 2. Альтернативная возможность.

Среди балтских священных камней много общего, однако их «внутреннее» разнообразие гораздо больше. В первую очередь её определяют природные и мифически-религиозные обстоятельства, и только во вторых – человеческая деятельность. Поэтому трудно надеяться, что естественное разнообразие священных камней подчинится строгой научной классификации. Общая классификация, опирающаяся на структуру священных камней (напр.: гранит, песчаник, конгломерат) больших проблем не вызывает. Трудности возникают, когда памятники должны отвечать на специфические вопросы.

Признаки, по которым возможна классификация священных камней, в сущности двойные: 1) визуальные; 2) мифически-религиозные.

Как показал опыт классификации, учёные, которые между собой сочетали признаки обеих групп, нарушали саму схему классификации. Например, к тотемическим камням (1 группа по П. Тарасенко) причислен камень у дер. Peimatis. Но он должен был считаться и камнем со знаками (4 группа по П. Тарасенко) (на нем выбито несколько букв, дат и крест). Небольшие круглые выемки (3а группа по Ю. Уртансу) обычно находятся на поверхности больших валунов естественных форм (1 группа по Ю. Уртансу).

«Следами», которыми считаются углубления на камнях-следовиках (1 группа по Э. Левкову), часто оказываются уже упомянутые небольшие круглые выемки (5 группа по Э. Левкову). Предания эти «следы» связывают либо с культом предков (3 группа по Э. Левкову), либо с культом богов (4 группа Э. Левкову). Это не единственные примеры. Различные противоречия возникают каждый раз, когда священный камень имеет несколько признаков.

В данной статье предлагается альтернатива по изучению многочисленных и разнообразных священных камней балтов. Каждый священный камень, отмеченный учёным, в зависимости от имеющихся о нём данных, отличается определённым числом признаков. Каждый из них (не важно, он визуальный или мифически-религиозный) становится значимой единицей и может стать претекстом группировки камней, отличающихся такими же признаками. Группу священных камней, определённую по одному какому-либо признаку (напр. по плоскостной чаше или по названию «камень Ведьмы» (Laumls akmuo)), можно обоснованно считать объектом научных исследований. Чем больше признаков определённую группу камней объединяет, тем больше информации она представляет.

Например, углубления и чаши вообще (а ими обладает довольно большое число священных камней балтов), являются фактом важным, в первую очередь для общей характеристики религии балтов. Гораздо важнее выделить группу камней, например, с плоскостными чашами. Ещё больше научной информации представляет группа камней формы цилиндра, имеющих наверху плоскостные чаши.

Пример другого рода: все камни, считающиеся окаменевшими людьми, являются фактом, иллюстрирующим общую мифическую метаморфозу «превратиться в камень». Гораздо важнее выделить группу «окаменевших» людей, которым свойственна форма столба. Обнаружив ещё больше общих признаков камней этого рода (напр., связь между ними и погребальными местами; выбитые знаки в виде креста), такая группа священных камней будет свидетельствовать о конкретной религиозной традиции, её распространении и вариациях.

Предлагаемая типология священных камней существует в качестве проекта. Однако достоинства такого взгляда на священные камни балтов очевидны. Придерживаясь указанных принципов, возникает возможность одновременно создавать разные – временные либо постоянные – типологические схемы. Эти принципы любому исследователю не предъявляют каких-либо предварительных требований. Желая решить конкретный вопрос, учёный группировал бы определённые признаки камней (напр., священные камни, лежащие в воде; камни, осколки которых используется для лечения; камни, побиты громом; камни, называемые «Учителями» (Mokai) и т. д.) и без ограничений их исследовал.

2. Священные камни и их признаки.

Признаки для типологии священных камней, как уже говорилось, в сущности двойные: 1) визуальные (структура, форма, особенности (выемки, чаши и др.), положение и окружение камня); 2) мифически-религиозные (предания и поверия о камне, культовые действия у камня).

Далее в статье коротко представляются некоторые священные камни балтов, при этом основное внимание обращается на их значимые признаки и возможности их научного исследования.

2.1. Визуальные признаки.

Структура. Абсолютное большинство священных камней балтов – это граниты. Важным значимым их признаком, который прямым образом зависит от структуры камня, является их цвет. Цветным (напр., белым, серым, чёрным, красным, синим) камням балтская мифология уделяет большое внимание. Этот объективный признак камней нашел отклик в мифических реалиях. Скажем, красные камни считаются обрызганными кровью (*Vaitkevičius*, 1997, р. 34), белые и серые включения в камнях – пометками слёз (LTR 6810/213), белый камень связан с плодородием земли (ад яго зямля добра родзіць) (Легенды і паданні, 1983, с. 293), «[Перун] болше всего бьет в камни красного цвета, а в чёрные – никогда» (*Balys*, 1937, р. 159) (ср.: Красный камень у дер. *Josiūnai*, Белый камень у дер. *Vaivadiškės*, Чёрный камень у дер. *Tibikai*, Синий камень у дер. *Милькановичи* и др.).

Кроме гранитов, среди священных камней известно и несколько конгломератов. Этим обычно очень большие валуны, склеенные из песка и гравия, которым нередко придавалось особое сакральное значение (ср.: Жертвенный камень у дер. *Antakmenų*, Святая скала у дер. *Lučionys*, Ломина печь (*Laumės pečiūs*) у дер. *Pagojus*, Змееў камень у дер. *Гогалеўка*).

Форма. Наиболее часто значимым признаком святых камней является их форма. В прежних классификациях такие камни составляли группу священных камней просто натуральных форм (*Уртанс*, 1988а, с. 13).

Из-за своей формы священные камни трактуются по-разному. Например, как дом (у дер. *Benaičiai*), баня (у дер. *Geidžiai* и *Rudžiai*), костёл (у дер. *Genionys*) (фото 1), печь (у дер. *Noreikiškės* и *Pagojus*), стол (у дер. *Paindrė*, *Nolėnai*, *Papaičiai* и *Vaitimėnai*), стул либо кресло (у дер. *Mačiūkiai*, *Lembas*, *Padievaitis* и *Noreikiškės*) (фото 2), кровать (у дер. *Senoji Iplitis*, *Benaičiai* и *Sidariškis*), плуг (у дер. *Senmieste*), жёрнов (у дер. *Šiluva*), сундук (у дер. *Rudikiai*), кошелёк (у дер. *Pilotiškės*), седло (у дер. *Raguviškiai* и *Jurjoniai*), гроб (у дер. *Visgaudžiai*) и т. д. Упомянутые (как и разные другие) интерпретации формы камней, разумеется, соответствуют мифическим реалиям. Напр., про камень Чёртов плуг у дер. *Senmieste*, имеющий форму плуга, рассказывается, что черти его изготовили из ногтей тех людей, которые, отрезав их, бросили на землю, не перекрестившись. Этим плугом «черти в лесу хотели себе устроить ад, но за ночь не успели, так как утром запел петух» (*Vaitkevičius*, 1998, р. 184).

Ночные пастухи в полночь субботы, посмотрев через дырку вовнутрь камня Чёртова баня у дер. *Rudžiai*, увидели как «черти парятся вениками и визжат так громко, что всё вокруг звенит» (LTR 2368/487).

В контексте балтской религии интригуют камни, имеющие плоскую верхнюю поверхность. Часто рассказывается, что старые времена тут приносились жертвы (у дер. *Benaičiai*, *Kraujeliai*, *Žuklijai*). Камни упомянутой формы иногда просто называются столами. Есть данные, что в начале XX века в некоторых местах Литвы деревенские общины («соседи») у этих камней, имеющих форму стола, собирались пировать: «В Семик, в старину, люди на камень Ломинный стол (*Laumiu stalas*) у дер. *Paindrė* приносили много еды и питья [и пировали]. Женщины, подняв юбки вокруг камня танцевали» (LTR 1420/150). «Второй день Семика в старину люди на камне у дер. *Vaikučiai* готовили [пир] «Куполес» – кто принесёт сала, кто яиц, кто питья. Камень наподобие стола, у него собираются. Такие старинные обычаи. После обеда приходит «Куполя» (*Kupolia*) – это пир, там готовили «Куполю»» (LTR 6582/98).

Последние данные о пирах у камней в виде стола дают основание думать, что похожее предназначение могли иметь и некоторые другие священные камни, у которых, по рассказам, обедали какие-то короли либо солдаты, напр.: „Король Наполеон тут [на камне у дер. *Navikai*] обедал. После того он оставил у камня шесть серебряных ложек <...>» (LTR 6366/265).

Кроме камней в виде стола надо отметить и камни, имеющие форму кресла. Большинство священных камней, считаемых стульями, креслами либо престолами (так же как и кроватями), имеет натуральные (в исключительных случаях и искусственные) углубления-изгибы, удобные для сидения, опирания, лежания. Предания о камнях данного вида нередко упоминают такие мифологические персонажи, как Лауме (*Laumė*), Ведьма (*Ragana*), Госпожа (*Ponia*) либо Королева (*Karalienė*), которые, как говорится, на этих камнях сидят, у этих камней встречаемы и т. д. Кроме того, данные рассказы иногда фиксируют и религиозные факты, напр., Лауме, сидя на камне у дер. *Mačiūkiai*, ворожила (*Vaitkevičius*, 1998, р. 129); у камня у дер. *Padievaitis* существовала «школа чертей» – сидя на камне, имеющем искусственную форму престола, «старый Чёрт» учил своих детей всяким «чертовщинам» (*Vaitkevičius*, 1998, р. 413) (отмечено, что голос человека, говорящего сидя в упомянутом камне-престоле, в несколько раз усиливается) (*Urbanavičius*, 1972, р. 19).

Вместе со священными камнями, которые интерпретируются как постройки либо бытовые вещи, известны камни, которые считаются отдельными частями тела, напр., камень Чёртова голова (у дер. *Dauginiai*), Чёртовое ухо (у дер. *Keturakiai*), Чёртовый хвост (у дер. *Žadžiūnai*), Чёртово (у дер. *Urkuvėnai*) либо Божье сердце (у дер. *Skudutiškis*).

Внимания заслуживают и «стоящие» (т.е. более и менее похожие на столб, иногда на пирамиду)

священные камни, которые считаются окаменевшими женихами либо просто «людьми» (у дер. Intuponys, Migliniškės, Dieveniškės, Свiciaзь, Staburags, Woydieten) (фото 3). Некоторые камни этой группы выделяются даже искусственным антропоморфным либо зооморфным видом (у дер. Долгиново, Salaspils) (Ляўкоў, 1992, с. 95–98; Уртанс, 1988а, с. 7–8; Urtāns, 1979, lp. 105). В латвийских преданиях искусственные и естественные антропоморфные камни называются идолами (elku tēli). Говорится о том, что люди тут приносили разные жертвы (Urtāns, 1979, lp. 108).

Данные с территории Беларуси свидетельствуют о том, что самые ранние каменные кресты этого региона были переделаны из камней-идолов, имевших антропоморфные черты (Дучыц, 1997, с. 35–36; пор.: Панченко, 1998, с. 186–189). В данном случае заслуживают упоминания прусские каменные идолы, обычно называемые «бабами» (La Baume, 1927). Высказаны мнения, что они играли важную роль в прусской мифологии и религии (Кулаков, 1994, с. 21; Zulkus, 1989). Однако ещё в 1966 году А. Холц пришел к обоснованному заключению о том, что данные каменные идолы в Пруссии, изображающие людей с питьевыми рогами в руках, украшениями и оружием, связаны с военным походом кочевников Евразии в 1240–1241 годах (Holtz, 1966, с. 25–30).

Кроме камней, считааемых окаменевшими людьми, известны камни, называемые именами разных животных. Иногда говорится, что эти животные окаменели (Zvani, Лазовичы) (Ляўкоў, Карабанаў и др., 1997, с. 53), но чаще всего эти названия камней (напр., Медведь, Волк, Кот, Петух) объясняются сходством с этими животными. Не имея дополнительных данных об этих камнях, вряд ли можно их считать священными. Лишь в отдельных случаях отмечена связь между упомянутыми названиями и дохристианскими обычаями. Например, о камне Петухе (Gaidelis) у дер. Būdos говорится, что он похож на петуха, либо на нём «какой-то петух показывался». Водой, которая собиралась наверху камня пастухи мыли ноги, веря, что это поможет «ради здоровья», и, наконец, камень на поле у речки во время сенокоса либо жатвы ржи являлся своеобразным центром. В это время люди сюда собирались отдохнуть, а закончив работу – повеселиться (Vaitkevičius, 2003, p. 84). Отмечается, что в этих окрестностях при подобных случаях «обязательно резали петуха» (Balys, 1986, p. 200).

Особенности (пометки, знаки, выемки, чаши и др.). Естественные «особые пометки», скажем такие, как включения других пород в одноцветных камнях люди нередко считают швами камня (у дер. Kubiliai), крестами (у дер. Skudutiškis), ужами (у дер. Raguva). Также известны и рельефные пометки камней. Например, о шербине в формы сердца на камне у хут. Pventabačkė (т. е. «святая бочка») рассказывается, что однажды монахи везли бочку святого вина. Зацепив камень, бочка перевернулась и разбилась. «Возницы вино так жалели, что у них разорвались сердца. Этот знак и остался на камне» (Vaitkevičius, 2003, p. 85).

Надо отметить, что камни, отличающиеся естественными либо искусственными трещинами, которые обычно трактуются в мифологическом контексте, например, как пометки, оставшиеся после того, как Перун стрелял в Чёрта под камнем (у дер. Rinkšėliai), или в стирающую на камне Лауме (у дер. Prysmančiai) и т. д. Иногда такие камни просто называются Перуновыми камнями (Perkūno akmenys) (у дер. Luponiai, Novinkai, Papiškiai, Kareiviškis).

Обзор выемок и чаш камней стоит начать с разнообразия величины и формы углублений, которые считаются «следами». Мифическая трактовка этих следов важна для изучения всех углублений на священных камнях, так как следы прямым образом связаны с представлением о мифическом происхождении камней и углублений на них. Настоящее происхождение следов (естественное либо искусственное) в данном случае не играет никакой роли (Vaitkevičius, 1997, p. 45; Шорин, 1998, с. 218). Оттисками следов считаются углубления разной величины и формы, напоминающими как человеческие стопы, так и следы ног животных.

В прежних классификациях эта группа камней-следовиков довольно условная. Даже известны случаи, когда следы существуют только в мифическом плане, так как информатор показывает на камне ровные места, называя их «следами». Таким образом, о камнях-следовиках можно рассуждать по крайней мере двояко: это камни, которые 1) составляют многочисленную группу памятников, на основе лишь мифического признака («камень является со следом»); 2) составляют группу «истинных» следовиков (фото 4). По данным автора статьи на территории Литвы есть не меньше 150 «истинных» следовиков, в Латвии — 98 (Уртанс, 1988б, 94), в Беларуси – не менее 100 (Ляўкоў, Карабанаў и др., 1997, с. 51). Между прочим плотность следовиков на территории Беларуси уменьшается по направлению к востоку и югу (Курбатов, 2000, с. 168, 182; Ляўкоў, 1992, с. 172–173). Поэтому, видимо, В. Седов высказал мнение о том, что почитание камней на территории Беларуси являются следами балтского субстрата (Седов, 1970, с. 177–178).

Опираясь на визуальные признаки священных камней, гораздо проще чем в случае со следовиками, говорить о камнях с небольшими круглыми выемками. Обычно они встречаются на больших валунах натуральных форм, а также наверху (в некоторых случаях, и на боках) камней-столов. Выемки бывают диаметром в среднем 3–6 см, глубиной около 1 см и плоские. Нередко на одном камне отмечены выемки разной величины – вместе с выемками диаметром 3–6 см попадают выемки диаметром до 9 см (у дер. Šniūraičiai, Pavaiguvys, Pelėkiai, Aruolė) (фото 5). Глубина выемок не всегда сочетается с их диаметром (напр., большая выемка может быть плоской, лишь 0,5–1 см глубины, а средняя – достигать глубину 2 см). По глубине исключение составляет выемка на камне у дер. Pelėkiai: среди выемок средней величины высечена выемка диаметром 7,5 см и глубиной 6 см.

Данные 2001 года о 33 камнях с выемками на территории Литвы и Латвии показывают, что 15 камней данного вида имеют до 10 выемок, 8 камней – 10–20, 5 камней – 20–30, 3 камня – 50–80 и камень у дер. Pelėkiai имеет не меньше 89 выемок. Схем расположения выемок на камнях известно немного (Vaitkevičius, 1996, p. 8).¹ Можно отметить попытки сопоставить расположение выемок на камнях со схемами созвездий. До сих пор самой удачной попыткой считается сопоставление 14 выемок на камне у дер. Друкши (Дрисвяты) с Кассиопеей, Андромедой, Пегасом и галактикой М31 – расположение выемок и звезд абсолютно совпадает (Vaiškūnas, 1997, p. 34, 38).

Священные камни с выемками на территории балтов являются отражением традиции шлифовать либо высекать на камнях небольшие, обычно круглые выемки, традиции, которая распространилась по всей Европе (и не только по ней) в период позднего неолита – раннего железного века (см. Tvauri, 1997). В балтских краях данная традиция реализовалась своеобразно: наиболее часто ямки шлифовали на поверхности валунов натуральных форм, и вместе с ними не встречаются какие-нибудь другие изображения, что свойственно для западного побережья Балтийского моря. Самые ранние камни с выемками на территории балтов во второй половине I тысячелетия до Р.Хр. отмечены в Приморье (у дер. Ankptakiai, Imbarė, Pelėkiai, Ariulė, Parjauniai, Zviedri, Craam) а также в бассейнах рек Неман, Двина и по их водоразделам (у дер. Dvaronys, Laukagalys, Pvendubrė, Ruskuni, Друкши). В территориях центральной и северной Литвы камни данного типа распространились, видимо, в римский период (II–IV в.) из приморского региона.

Разнообразие священных камней, имеющих углубления неправильных форм (они не считаются за следы), было очень большим. В однородную группу памятников многие из них причислить невозможно из-за того, что упомянутые углубления являются природными и поэтому уникальными. Кроме того, некоторые углубления сделаны искусственно, но, видимо, не имея замысла создать ямку определённой формы, а были высечены, используя, например, трещину камня, приспособиваясь к формам камня и т. п. (фото 6). Всё-таки характерно, что предания о данных камнях обычно рассказывают о том, что в старину тут приносились жертвы (у дер. Kaušai, Kunigiškiai). В некоторых местах на этих камнях приносились жертвы и в XIX–XX вв. (у дер. Antakmenė, Īvāni, Melķitāri).

Надо отметить и священные камни, сакральность которых мотивируется обычно мифическими фактами, хотя на них встречаются разные углубления неправильных форм (у дер. Kreiviškės, Nikronys, Vosgėliai).

Камни в форме цилиндра с плоскодонными чашами наверху (фото 7) обычно имеют диаметр около 1 м. В Литве и Латвии диаметр 30 камней является с

0,9 м по 1,3 м. Только 5 камней диаметром 1,4–1,8 м (у дер. Puodkaliai, Meldzere, Mazgramzda, Pinnas, Dzeņi). Перичную высоту этих камней установить довольно трудно, так как большинство их было перевернуто. Имеющиеся данные указывают, что средняя их высота была примерно 0,6 м. Люди, высекавшие чаши, стремились к тому, чтобы их диаметр был равен примерно 50 см, а глубина – 10 см.

До сих пор археологами исследованы 13 камней в форме цилиндра с плоскодонными чашами. В результате исследований под этими камнями найдены «постаменты» из небольших камней либо осколков для того, чтобы камень с чашей стоял горизонтально. Возле этих камней найдены угли и кострища. Можно думать, что камни с плоскодонными чашами, расположенные в северо-западной Литве – западной Латвии и восточной Литве – восточной Латвии, являются куршской религиозной традицией, которая реализовалась как в их этнической земле (первый ареал), так и на территории Великого княжества Литовского раннего периода (второй ареал). В последнем регионе беженцы-курши, видимо, селились с XIII в. (Vaitkevičius, 1999, p. 238).

В тех местах Литвы и Латвии, где камни в форме цилиндра с плоскодонными чашами не известны, широко распространены камни с конусообразными чашами (фото 8). Они обычно бывают размерами 0,8х1 м, высотой 0,3–0,5 м, плоской верхней поверхностью, где высечена либо вывернута конусообразная чаша диаметром в среднем 20 см и глубиной в среднем 15–20 см. По форме определено даже 9 типов этих чаш, хотя варианты формы соответствуют таким основным формам, как перевернутый конус и полушарие (Vaitkevičius, 2003, p. 107–109).

Абсолютное большинство данных камней находится в усадьбах или в бывших их местах, у жилых домов, в клетях, гумнах. В пределах деревень нередко известны 2–3, иногда и 4–5 камней с конусообразными чашами (дер. Vileikiai, Vaidulonys, Montviliskis, Šimkūnai, Biliakiemis, Sprakšiai). Археологами исследовано 10 камней с конусообразными чашами. В дер. Radikiai, Ratkūnai, Vaiduloniai у этих камней найдены находки XVII–XVIII вв.

Назначение и хронология данных камней вызывает немало дискуссий. В данное время основной гипотезой принято считать, что камни с конусообразными чашами были связаны с почитанием домашних божеств, которые описаны миссионерами -иезуитами (Urbanavičius, 1972, p. 17–18; 1985).

К визуальным признакам священных камней, кроме их структуры, формы, «особых пометок», углублений и чаш, надо отнести и высеченные на камнях знаки (кресты разных модификаций, фигуры, надписи и буквы, даты и числа). Большинство этих камней, как указывает и Ю. Уртанс, не имеет признаков культовых памятников. Например, число

¹ После того, как статья была подготовлена к печати, был опубликован обширный свод камней такого рода на территории Беларуси (Вінакураў, Дучыц и др., 2003).

каменной с высеченными крестами в Латвии достигает 200, но известно лишь 18 случаев, когда у этих камней в исторические времена люди устраивали языческие обряды (Уртанс, 1988а, с. 7). Кроме того, эти случаи часто бывают очень специфичны и вряд ли можно, например, надгробные плиты, похороненных Плятеров в 1585 и 1587 гг. в дер. Ilzenbergas (Уртанс, 1988а, с. 11), считать священными камнями. Лишь тщательно проверив конкретные данные, камни со высеченными знаками можно отнести к культовым памятникам балтов.

Всё-таки ясно, что в исторические времена на некоторых священных камнях тоже были высечены разных знаки. Например, на камне с выемками у дер. Aruolē есть высеченная дата 1818 и буквы Mt, а на камне у дер. Paivaivys такого же вида – 1789 ir GSZ TB. На священном камне у дер. Nīkronys, обозначая границы владения, видимо в XVII в., высечены 2 креста, а в конце XVIII в. либо в начале XIX в. ещё и буквы MORT (=M. O[dyniec], p[odkomorzy], t[rocki]) (Gudavičius, 1982, p. 85).

Положение священных камней – это ещё один значимый их признак. К сожалению, пока специально почти не исследованы особенности их положения ни в природном (напр., камень на горе, на поле, у водоёма, в воде, ориентация камня и его пометок в отношении к странам мира), ни в культурном смысле (напр., положение камня в отношении к местам жительства, к местам захоронения, к другим культовым памятникам всех эпох). Такие исследования в перспективе дают много информации, которая заставляет искать ответы на новые вопросы о мифических и религиозных функциях священных камней.

2.2. Мифические и религиозные признаки.

Совсем другой природы, чем выше указанные визуальные признаки, являются мифически-религиозные реалии, связанные со священными камнями. В наименованиях камней, в преданиях и поверьях, иногда даже в пословицах и поговорках отражаются данные о мифическом происхождении камня, его «особых пометках», необыкновенных свойствах и т. д. О конкретных камнях обычно известно несколько мотивов преданий. Их число зависит от того, насколько священный камень был знаменит. С другой стороны, иногда о священном камне (имеющем определённые визуальные признаки) ничего не говорится. Это вызывает понятное предположение, что, может быть, предания не были зафиксированы и утрачены.

О священных камнях балтов известно около полусотни мотивов преданий. Камни обычно считаются принесёнными, привезёнными, потерянными, поставленными, упавшими с неба (у дер. Biloniai, Geidžiai, Lapynai, Migliniškės, Kreiviškės, Mācītājmuīža, Микалаеўшчына), появившимися на месте окаменевших людей, животных, озёр, построек либо костёлов (у дер. Галынка, Лазовічы, Старадворац). В преданиях о священных камнях фигурируют: балтские боги и богини, например, Перун

(Perkūnas), Вельма (Ragana), Лауме (Laumė), Лайма (Laima), Мара (Māra), «языческие боги»; близки им «старики», «ксензы», «король», «госпожа»; представители христианской идеологии: Езус Христос, Божья Матерь, ангелы, святой Ян, святой Пётр; разные исторические лица и многие другие персонажи. Особенно популярен Вяляяс (Velniās) – синкретный образ балтского бога умерших, бытующего в подземельи, и нечистой силы в христианской идеологии. Предания и поверья по-разному связывают священные камни и упомянутые персонажи. Обычно рассказывается, что они у (под, над) камнями живут, являются, сидят, лежат, работают либо отдыхают (напр., стирают, поют), охраняют имущество и т. д. Такие рассказы часто отражены в названиях священных камней, напр., Чёртов камень (у дер. Dvaronys), Чёртов кашелёк (у дер. Pilotiškės), Сапожник (у дер. Antatiškiai), Ломин камень (у дер. Parečėnai), Божий камень (у дер. Rudbārži), Божий гроб (у дер. Pašilė).

«Особые пометки» на священных камнях (углубления либо чаши) обычно считаются оставленными персонажами преданий (втопанными, вжатыми, вбрыканными, вбитыми, высеченными ими) (у дер. Mitkiškės, Dvaronys, Jaurai, Benaičiai, Tauralaukis, Pubžibiai, Vaiduloniai). В поверьях говорится о том, что священные камни нельзя трогать, вывозить, закапывать, уничтожать, и даже прекращать им жертвовать. За всё это камни мстят огнём, болезнями, смертью людей и падежом животных, призраками и т. д. (у дер. Okainiai, Sukiniai, Milašius, Visukoks, Каргауды). Священные камни могут разговаривать, ходить, учить, советовать, давать деньги в долг, вызывать дождь, шить одежду либо сапоги, принести счастье (у дер. Šambališkiai, Šeimatis, Lapynai, Rambynas, Šiluva, Skaistgiris, Daukšiai, Канвельішкі, Крамянец), а также плакать, кровоточить, покрываться росой (у дер. Didžiuliai, Mitkiškės, Antakmenė). Священные камни и их осколки, дождевая вода с него, роса, вода из-под камня, мох с камня лечат людей и скот от всяких болезней (глаз, рук, ног, кожи, зубов, бесплодности) (у дер. Darželiai, Skudutiškis, Senoji Āpiltis, Kirdiškis, Mitkiškės, Nemaitonys, Zigmantiškės, Sukiniai).

Каждый из вышеупомянутых мотивов преданий и поверий может считаться значимым мифическим признаком священных камней. Хотя имеющиеся данные об обрядах у священных камней лишь фрагментарны, мнение о том, что конкретные религиозные реалии (напр., время исполнения культовых действий и их характер) прямым образом сочетаются с мифическими представлениями, вполне обоснованы. Например, о камне, имевшем форму женского тела у дер. Naurapiliai рассказывалось, что это окаменевшая женщина Муколене (Mukolienė). Было распространено поверие, что этот камень бездетным женщинам может вернуть плодородие (ma sių nadavania plodności mežatkom bezplodnym) и они приходили сюда, молились и приносили жертвы (Witort, 1899, s. 206). Камень у дер. Geaičiai имел

углубление, напоминавшее детский след и был «чудотворным для семей, не имеющих детей». Благодаря молитвам у камня и взятию определённых обетов, рождались дети (Vaitkevičius, 1998, p. 666). Почитая камень-следовик у дер. Сянежычы, люди приносили разные жертвы, молились и целовали след Божьей Матери, а в Чёртов след плевали (Мялешка, 1928, с. 11). В трещину камня у дер. Jaun-Piebalga люди бросали монеты, веря, что глубоко под землей в этом месте боги поставивши большую бочку. Когда бочка будет полна монет, грехи жертвующим людям будут прощены (Latviešu pasakas, 1936, lp. 262).

Имеющиеся данные (в большинстве конца XIX – XX вв.) указывают, что священные камни люди посещали, когда возникала необходимость, напр., заболел: «Очень много шло людей <...> кому только ноги болели» (у дер. Mitkiškės) (LTR 4113/132); в любом случае идя мимо священных камней: «След Езуса Христоса <...> и потому этот камень люди очень уважали. Идя, либо проезжая мимо его, люди на камне клали деньги» (у дер. Bliūdžiai) (Tarasenko, 1933, p. 377); по воскресениям (Lebedys, 1976, p. 210–211); во время храмовых праздников, напр. камней у дер. Mitkiškės, Skudutiškis и Zigmantiškės наиболее посещали в период после Пасхи, день св. Троицы, в праздник тела Христова, в праздник сердца Христова. В Беларуси камни-следовики люди наиболее посещали в день св. Георгия, во время Пасхи, Семика, св. Троицы, св. Яна (Дучиц, Левков, 1987, с. 57). Вполне вероятно, что эти календарные даты соответствуют датам проведения культовых действий у камней в дохристианский период.

Данные о том, что и как приносилось в жертву, достаточно скудны. Увы, во время археологических раскопок у священных камней найдены лишь отдельные находки (угли, фрагменты сосудов, украшения, оружие) (ср.: Уртанс, 1988а, с. 9–11). Предания, рассказы и информация этнологического плана за редкими исключениями (ср., ритуал вызывания дождя у камня у дер. Крамянец – (Ляўкоў, 1992, с. 66–67)) в этой ситуации также обычно абстрактны и фрагментарны. Например: «Был камень, в старину на нем сжигались жертвы» (у дер. Antakmenė) (LTR 6366/313). «У Божьего камня в старину люди собирались с пожертвованиями» (у дер. Visukoka) (Latviešu pasakas, 1936, lp. 260). «Прося здоровья, люди приносят в жертву лён (у дер. Mitkiškės) (LTR 4118/123).

Часто священным камням выражается самое высокое уважение: люди к ним подходят молясь и крестясь, целуют камень и на коленях обходят его вокруг (у дер. Mitkiškės, Zigmantiškės, Skudutiškis, Акмуо). С почитанием камня, конкретной мифически-религиозной фигуры либо самой местности, связано приношение в жертву у (на) камней мелких монет, шерсти, льна, тканей, цветов, пищи, разных вещей (у дер. Акмуо, Mitkiškės, Nauraišiliai, Zigmantiškės, Каптаруны, Сянежычы, Крамянец). Наиболее часто эти жертвоприношения позже передавались ближайшему костёлу либо нищим.

3. Заключение

Большое разнообразие священных камней в первую очередь связано с многочисленными природными и мифически-религиозными обстоятельствами.

Учёным до сих пор не удалось создать единую классификацию балтских священных камней. В данной статье предлагается альтернатива, сущностью которой является группировка камней, опираясь на значимые их признаки – как отдельные, так и комплексные.

Значимыми признаками являются: структура и форма камней, «особые приметы» на камнях (трещины, выемки, углубления, чаши и др.), положение и окружение камней, предания и поверия, связанные с камнями, характер культовых действий у камней, и другое.

Разнообразие священных камней балтов и большое количество значимых их признаков явно указывает на необходимость исследований данных культовых памятников и на ценность этих данных для изучения мифологии и религии.

Литература

- Вінакураў В. Ф., Віцязь С. П., Дучыц Л. У., 2001. Функцыянальная класіфікацыя сакральных каменных помнікаў Беларусі // Весці НАН Беларусі (Серыя гуманітарных навук). № 2. С. 62–70.
- Вінакураў В., Дучыц Л., Зайкоўскі Э., Карабанаў А., 2003. Культывыя валуны са штучнымі паглыбленнямі на Беларусі // ГАЗ. № 18. С. 231–251.
- Дучиц Л. В., 1985. Культовые валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции. Псков. С. 63–65.
- Дучиц Л., 1997. Каменные крыжы // 3 глыбі ваякоў (Наш край). Мінск. Т. 2. С. 47–68.
- Дучиц Л. В., Левков Э. А., 1987. Валун как объект поклонения у белорусов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 55–57.
- Кулаков В. И., 1994. Пруссы (V–XIII в.). Москва.
- Курбатов А. В., 2000. Загадочные знаки на камнях // Отечество (Краеведческий альманах). Москва. С. 164–190.
- Легенды і паданні, 1983. Легенды і паданні. Мінск.
- Ляўкоў Э. А., 1992. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск.
- Ляўкоў Э., Карабанаў А., Дучыц Л., Зайкоўскі Э., Вінакураў В., 1997. Культывыя камні Беларусі // 3 глыбі ваякоў (Наш край). Мінск. Т. 2. С. 47–68.
- Мялешка М., 1928. Камень у вераваннях і паданнях беларусаў // Труды кафедры этнографии института белорусской культуры. Минск. Т. 1. Вып. 2. С. 155–194.
- Панченко А. А., 1998. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.
- Покровский Ф. В., 1893. Археологическая карта Виленской губернии // Труды ВОМПК по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна.
- Покровский Ф. В., 1895. Археологическая карта Гроденской

Вайткявичюс В. По поводу классификации священных камней балтов

- губернии // Труды IX археологического съезда в Вильне 1893 г. Москва.
- Покровский Ф. В., 1899. Археологическая карта Ковенской губернии. Вильна.
- Седов В. В., 1970. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. Москва.
- Уртанс Ю. Т., 1988а. Языческие культовые памятники на территории Латвии. /Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л.
- Уртанс Ю. Т., 1988б. Камни-«следовики» на территории Латвии // Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas vestis. Nr. 7. Lp. 92–106.
- Шорин М. В., 1991. Вопросы классификации и датировки культовых камней (по материалам Новгородской обл.) // КСИА. Вып. 205. С. 77–83.
- Шорин М. В., 1998. Культовые камни Приильменя (по материалам Новгородской области) // Археологические Вести/ 1996–1997. № 5. С. 216–227.
- Baliński M., 1886. Starożytna Polska. Wielkie księstwo Litewskie. Warszawa. T. 4.
- Balys J., 1937. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose // Tautosakos darbai. T. 3. P. 149–215.
- Balys J., 1986. Lietuvių žemdirbystės papročiai ir tikėjimai. Silver Spring, MD.
- Baruch M., 1907. Boże stopki. Archeologija i folklor. Kamieni z wyżłobionymi śladami stóp. Warszawa.
- Beckherrn C., 1893. Merkwürdige Steine in Ost- und Westpreussen // Altpreussische Monatsschrift. Bd. 30. Hf. 5/6. S. 374–429.
- Caune A., 1974. Dobuakmeņi Latvijā // Arheologija un etnogrāfija. T. 11. Lp. 89–98.
- Dakanis B., 1984. Nauja archeologinių akmenų grupė Lietuvoje // Jaunųjų istorikų darbai. T. 5. P. 106–110.
- Gudavičius E., 1982. Nikronių (Trakų raj.) ir Žvėryno (Vilniaus m.) akmenų paskirtis ir jų panaudojimo laikas // MADA. Nr. 4. P. 83–92.
- Holtz A., 1966. Die pommerschen Bildsteine // Baltische Studien. Neue Folge. Bd. 52. S. 7–30.
- Jan ze Śliwina, 1855. Wycieczka archeologiczna po gubernii Wileńskiéj // Biblioteka Warszawska. T. LVIII. S. 433–452.
- La Baume W., 1927. Bildsteine des fruhen mittelalters aus Ost- und Westpreussen // Blätter für deutsche Vorgeschichte. Hf. 5. S. 1–11.
- Latviešu pasakas, 1936. Latviešu pasakas un teikas (red. P. Šmits). Rīgā. T. 13.
- Lebedys J., 1976. Lietuvių kalba XVII–XVIII a. viešajame gyvenime. Vilnius.
- Matulis R., 1990. Istoriniai akmenys. Vilnius.
- Szukiewicz W., 1900. Kamienie z wrytymi znakami // Światowit. T. 2. S. 109–110.
- Tarasenka P., 1933. «Dievo» pėdos // Jaunoji karta. Nr. 22. P. 377–378.
- Tarasenka P., 1958. Pėdos akmenyje (istoriniai Lietuvos akmenys). Vilnius.
- Tvauri A., 1997. Eesti lohukivid // Tartu ülikooli arheoloogia kabineti toimetised. No. 9. P. 11–53.
- Tyszkiewicz E., 1842. Rzut oka na źródła archeologii krajowej, czyli opisanie zabytków niektórych starożytności, odkrytych w zachodnich guberniach Rossyjskiego. Wilno.
- Urbanavičius V., 1972. Dubenuotų akmenų paslaptis // Mokslas ir gyvenimas. Nr. 2. P. 16–19.
- Urbanavičius V., 1977. Senųjų tikėjimų relikvai Lietuvoje XV–XVII a. // MADA. 1977. Nr. 3. P. 79–89.
- Urbanavičius V., 1979. Mitologiniai akmenys // Mokslas ir gyvenimas. Nr. 8. P. 36–37.
- Urbanavičius V., 1985. Šliaužiojanti dievybė // Mokslas ir gyvenimas. Nr. 7. P. 13–14.
- Urtāns J., 1979. Senie elku tēli Latvijā // Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas vestis. Nr. 5. Lp. 103–112.
- Urtāns J., 1990. Pėdakmeņi. Robežakmeņi. Muldakmeņi. Rīgā.
- Urtāns J., 1992. Cylindrical Ritualistic Stones a Cup Mark in Latvia // Journal of Baltic Studies. Vol. 23. No. 1. P. 47–56.
- Vaiškūnas J., 1997. Lietuvių liaudies žinios apie žvaigždes // Ramuva. T. 3. P. 34–38.
- Vaitkevičius V., 1996. Akmenys su duobutėmis: sena ir nauja // Kultūros paminklai. T. 3. P. 6–19.
- Vaitkevičius V., 1997. Akmenys su pėdomis Lietuvoje // Lituania. Nr. 2. P. 30–54.
- Vaitkevičius V., 1998. Senosios Lietuvos šventvietės. Žemaitija. Vilnius.
- Vaitkevičius V., 1999. Akmenys su plokščiadugniais dubenimis Lietuvoje ir Latvijoje // La. T. 18. P. 227–242.
- Vaitkevičius V., 2003. Alkai: baltų šventviečių studija. Vilnius.
- Witort J., 1899. Przyczynki kulturalne // Lud. T. 5. S. 204–206.
- Žulkus V., 1989. Tarpgentinės dykros ir mirusiųjų pasaulis baltų pasaulėžiūroje // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda. P. 107–114.

V. Vaitkevichius

Some aspects of the Classification of the Sacred Stones of the Balts

Summary

In this article the diversity of the sacred stones of the lands of the Balts are presented and the possibilities of their classification analysed. Data from Lithuania as well as Latvia, Prussia (Kaliningrad Region of Russia), and western Belarus is summarised in the article. The number of sacred stones in this region exceeds 1000.

Each sacred stone, depending on the information possessed about it, has a defined quantity of various features. Each of these features (regardless of whether it describes the natural or artificial peculiarities of the stone or known mythical-religious facts about the stone) is considered a significant unit and can become a pretext for grouping stones having the same features. A group of monuments distinguished by some one feature (for example, a flat-bottomed bowl chiselled into the stone or the name “Witch’s stone”) can be reasonably considered an object of scientific research. The diversity of sacred stones is incomparably larger than the number of groups into which they have been divided until now; therefore the more sacred stones are separated on the basis of their significant features and the preconditions of this grouping are investigated, the greater the benefit to science.

The second part of the article is devoted to a brief presentation of the sacred stones of the lands of the Balts and their significant features. Such features as the structure, form, and peculiarities (cavities, bowls, and “special indications”) of the stones; the position of the stones in nature and in the cultural landscape; the legends and beliefs told about the stones; and the nature of the ceremonies performed around the stones will be reviewed. It is thus shown that the investigation of sacred stones, one of the principle kinds of cult monuments, provides important and multilevel scientific information, which is necessary in order to answer the specific questions raised by religion and mythology.

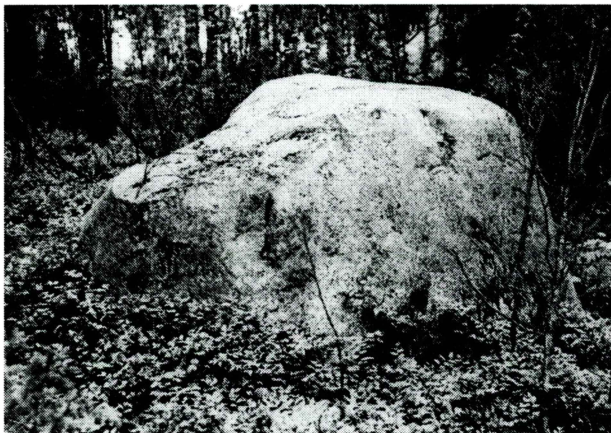

Фото 1. Камень Заячий костел
(Genionys, Варенский р-н).
Фото В. Вайткявичюса, 1992.

Фото 2. Чертов камень с сидением наверху
(Plauskiniai, Плунгйский р-н).
Фото В. Вайткявичюса, 1994.

Фото 3. Камень Мокас
(Dieveniškės, Шальчининский р-н).
Фото В. Вайткявичюса, 1995.

Фото 4. Камень со стопами Божей Матери и
Христуса (Vilkeliai, Паневежский р-н).
Фото А. Меркявичюса, 1968.

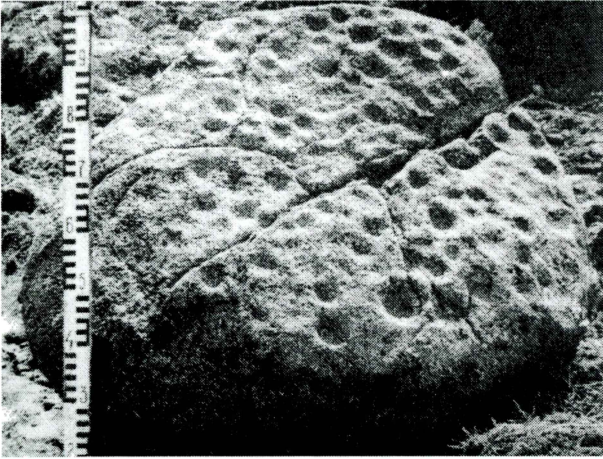

Фото 5. Камень с маленькими углублениями (Imbarė, Кретингайский р-н).

Фото В. Даугудиса, около 1984.

Фото 6. Камень с выемкой негеометрической формы (Jaugos, Моветский р-н).

Фото В. Вайткявичюса, 1994.

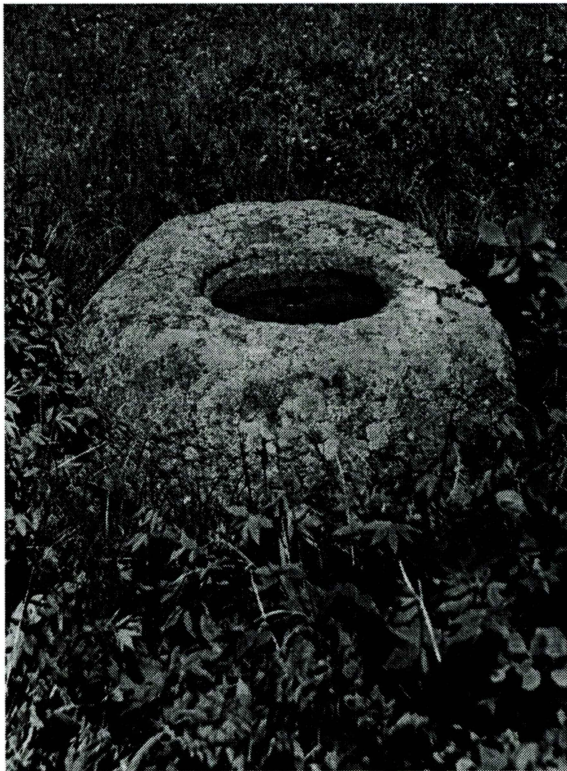

Фото 7. Камень с плоскодонной чашой (Kirdiškis, Купишский р-н).

Фото В. Даугудиса, 1969.

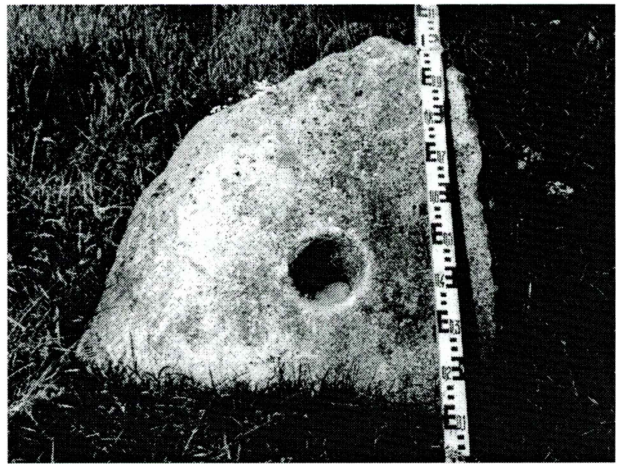

Фото 8. Камень с конусообразной чашой (Kaimalė, Кельмиский р-н).

Фото В. Даугудиса, 1967